

Бобылёвы из Красного Текстильщика

— Игорь Александрович! — останавливает меня давний знакомый. — Вот ты о наших старых улицах пишешь. Это хорошо. А почему бы тебе не написать о людях, живших и живущих здесь, в Красном Текстильщике. Будет не менее интересно. Вот, например, о семье Бобылёвых...

И таких пожеланий выслушал я не одно. Значит, надо исполнять.

Семья эта из тринадцати человек жила в пятом доме, в трёхкомнатной квартире. Сейчас по этому ряду только этот дом и остался, остальные перенесены на Подозёрку.

Глава семейства, Алексей Александрович, родился в 1894 году. Окончил пять классов местной гимназии, учился на переплётчика в Москве, воевал за красных в гражданскую. Был ранен. На Отечественной воевать уже не пришлось — учил при военкомате призывников и офицеров запаса. Работал, как и большинство здешних жителей, на «Красном эхе», старшим бухгалтером прядильного цеха.

Жена его — Варвара Сергеевна — занималась воспитанием детей. Да и то сказать, было их одиннадцать душ. В 46-м удостоили её звания мать-героиня, награду вручал лично всесоюзный староста М. И. Калинин. Отец Варвары Сергеевны, Сергей Акимович Талин, был первым директором фабрики «Красное эхо» после того, как предприятие национализировали в 1918 году. Интересно он расписывался — С. Талин...

В посёлок переехали только в 30-м году, а до этого жили в мазанке на нынешней Калининской улице.

Ну, а теперь о детях. Нина, Сергей, Анатолий, Борис, Герман, Маргарита, Тамара, Вера, Женя, Валя, Юрий. Восемь из них получили высшее образование, четверо стали педагогами, судьба каждого так или иначе связана с родным «Красным эхо».

Слово самому младшему — Юрию:

— В войну и первые послевоенные годы жили трудно, приходилось и голодать. Родители воспитывали нас в строгости. Отец только брови поднимет — у нас душа в пятки. Но на детей руку никогда не поднимал. Да и видели-то мы его нечасто — он постоянно был занят на работе.

А вообще жили дружно, помогали друг другу. И к лесу нас папа приучал, так и выросли мы с природой «на ты».

Трое моих братьев — Сергей, Анатолий, Борис — воевали, Герман служил в Кремлёвском полку.

...Сам я хорошо знал эту семью, бывал у них. С Сергеем играли в футбол, с Анатолием бегал «стометровку» на легкоатлетических соревнованиях — сильный был спринтер. С Маргаритой и Женей нередко встречались в Летнем саду, катались на лодке по озеру — хорошая у нас тогда была компания. С Тamarой довелось поработать сначала в комсомоле, а потом и по партийной линии. А вот что рассказывает жена покойного Анатолия — Анна Степановна, Нюра Бобылёва (Валялкина):

— Поженились мы в 49-м. Вся семья нам помогала. Свекровь, Варвара Сергеевна, была человеком большой души. Помогала и внуков воспитывать. Никогда не водилось у нас ни склок, ни ругани. Всегда рассудит по-доброму. Такой была родительская семья, такими вырастили они и своих детей.

Соседи наши по посёлку — Гусевы, Фомины, Филатовы, Панковы, Воложанцевы, Агриковы, Барановы, Пурвёнисы... Дружно жили, помогали и в горе, и в радости. И дети наши выходили в люди. Помню, как встречали Новый, 1943 год. Было это в Нардоме, где с нами занимались замечательные люди Борис Григорьевич Былинин и его сестра Александра Григорьевна. Каждому вручили подарок — серый бумажный пакет, в котором лежали чёрные сухари, ландрин и кофейные конфеты-подушечки. Память осталась на всю жизнь...

Знаю, что после восьмого класса пошла Нюра работать в фабричную лабораторию, где и трудилась до самой пенсии. Получает сейчас 810 рублей, и существенной прибавки не ожидается. «Мала у меня была зарплата», — всплакнула она.

А это — фрагмент воспоминаний Леры Ивановны Бобылёвой (Панковой), жены Сергея, который тоже недавно ушёл из жизни:

— На праздники встречались у родителей. Народу-то набиралось! А посёлок весь утопал в цветах. У каждой семьи был свой участок. Особенно урожайными были те, что у Маловского сада. Вместе копали грядки, вместе и убирали по осени огромных размеров тыквы, свёклу, картофель. Некоторые семьи, объединившись, жили в одном доме, выбирали старшего. Больших семей было много, в нашей — 12 детей, из них 11 парней. Вышли мы из крепостных. Родственник наш, Иван Андреевич Емельянов, дожил до 93 лет, он вёл нашу родословную. В 30—40-е густым гребнем прошли по посёлку политические репрессии. И нашего папу осудили на пять лет. По пути в лагерь он умер. А в 50-е его посмертно реабилитировали. Не было за ним никакого преступления, просто слово неосторожно обронил — пожалел каморкинских во время эвакуации фабрики осенью 41-го года. Приехали за ним ночью. Да разве только за ним...

К слову, недавно вся Россия отмечала День памяти жертв политических репрессий. Возлагали цветы, говорили слова о безвинно погибших и пострадавших. Мне кажется, в нашем городе тоже нужно такое место. Я вижу его в виде массивного камня, под которым лежит капсула с землёй с места расстрела политзаключённых.

...Такая вот семья жила в Переславле. Сделали для города немало, труда не жалели. Простые люди, а помнят их многие, говорят с теплом. И сколько ещё есть у нас таких семей, достойных памяти народной.